

— То есть, это на счетъ чего же, Николай Оатѣвичъ?— спросилъ онъ въ свою очередь.

— Ну, какъ, то есть, ты съ землей-то хозяйствовать будешь? Я вотъ про что.

— А что-жь, какъ люди, такъ и мы.

— Да вѣдь у людей и скотина есть, и денешки водятся. А тебѣ съ чѣмъ приступиться?

— Извѣстно, на первое время перебьемся какъ ни на есть. А тамъ, гляди, Богъ дастъ, и поправимся.

— Улита ѣдетъ, когда-то будетъ. Ты вотъ дворъ свой ужъ разорилъ купчей этой самой; а справлять его чѣмъ станешь?

— Да вотъ, Богъ дастъ, землю подъ посѣвы отдамъ... ну, и справлюсь.

— Зе-емлю? Какую?

— А въ Мокрецахъ.

— Коли-жь ты ее раздавать будешь?

— Я такъ полагаю, сейчасъ пустить. И радъ бы самъ хозяйствовалъ — да не съ чѣмъ.

— Ну, это, братанъ, ты шутишь. Землю-то раздавать, особенно сейчасъ, тебѣ не придется.

— Для-чего?

Николай Оатѣвичъ, не торопясь, вынулъ папироску и закурилъ ее.

— А для того, — сказала онъ очень спокойно, дымя папиросой, — для того, что правовъ твоихъ нѣтъ. Вотъ для этого самага.

— Правовъ нѣтъ! — воскликнулъ Алексѣй Ивановъ, крайне обезпокоенный и удивленный. — А купчая?

— Что-жь, купчая. Конечно, вольно было князю выдавать ее, ни у кого не спросившись. Да вѣдь на землю-то, чать, и поравьше вашей купчей документы какіе ни на есть сдѣланы.

Щастневъ уже съ великимъ ужасомъ, широко раскрывъ глаза, смотрѣлъ на Николая Оатѣвича.

— Я сколько лѣтъ владѣлъ землей? Ты то помни! — все такъ же невозмутимо продолжалъ Писаревъ. — Такъ неужто-жь я безъ документовъ, такъ себѣ пользовался? А кто-жь бы мнѣ позволилъ?

— Да вѣдь вы, Николай Оатѣвичъ, землю-то на рендѣ содержали, — пролепеталъ Щастневъ.

— Ну, да. Такъ что-жь?

— А теперь, какъ она, значить, проданши...

— А ты про арендный-то нашъ договоръ знаешь, какой-